

RU

Трансформация критериев научной объективности в гуманитарном знании: постнеклассические основания и дискурсивные стратегии

Москвитин В. А.

Аннотация. Цель исследования – обосновать методологическую легитимность гуманитарного познания посредством концепции постнеклассической рациональности В. С. Стёпина. В работе проводится сравнительный анализ трех типов научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической) и выявляется их соответствие историческим этапам эволюции научного познания. На онтологическом уровне демонстрируется, что гуманитарные дисциплины изучают саморазвивающиеся системы, где субъект и объект образуют единую целостность, что требует включения ценностных ориентаций в структуру знания. Показано, что статус истины трансформируется из абсолютного соответствия действительности в обоснованность внутри ценностного контекста эпохи, проверяемую через диалог и критику. Раскрывается роль рефлексии как обязательного инструмента исследователя, позволяющего осознать свою культурную укорененность и превратить ее в источник знания. Анализируются механизмы трансляции ценностей в научный текст (лексико-грамматические, стилистические, повествовательные), подтверждающие активную конструирующую функцию языка. Научная новизна работы состоит в систематизации принципов постнеклассической парадигмы как основания для преодоления разрыва между естественнонаучными стандартами и спецификой наук о духе, а также в переопределении объективности как способности к рефлексивному самоконтролю и диалогической аргументации. В результате исследования обосновано, что гуманитарное познание реализует наиболее рефлексивную форму научного метода, адаптированную к онтологии сложных саморазвивающихся систем.

EN

Transformation of the criteria of scientific objectivity in humanistic knowledge: post-nonclassical foundations and discursive strategies

V. A. Moskvitin

Abstract. The aim of the research is to justify the methodological legitimacy of humanistic knowledge through V. S. Stepin's concept of post-nonclassical rationality. The work conducts a comparative analysis of three types of scientific rationality (classical, nonclassical, post-nonclassical) and identifies their correspondence to historical stages in the evolution of scientific cognition. At the ontological level it is demonstrated that the humanities study self-developing systems in which subject and object form an integrated unity, which requires the inclusion of value orientations in the structure of knowledge. It is shown that the status of truth is transformed from absolute correspondence to reality into justification within the value context of an epoch, verified through dialogue and critique. The role of reflection is revealed as a mandatory instrument of the researcher, allowing them to become aware of their cultural rootedness and to turn it into a source of knowledge. The mechanisms of value transmission into scientific text (lexico-grammatical, stylistic, narrative) are analyzed, confirming the active constructive function of language. The scientific novelty of the work lies in the systematization of the principles of the post-nonclassical paradigm as a basis for overcoming the gap between natural-scientific standards and the specificity of the sciences of spirit, as well as in the redefinition of objectivity as the capacity for reflexive self-control and dialogical argumentation. As a result of the study, it is substantiated that humanistic cognition realizes the most reflexive form of the scientific method, adapted to the ontology of complex self-developing systems.

Введение

Современная методологическая рефлексия в области гуманитарных наук переживает период переосмысления своих оснований, обусловленный необходимостью обоснования специфических процедур познания, исторически находившихся в напряженном отношении с доминирующими естественнонаучными парадигмами. Ключевым теоретическим ресурсом для решения этой задачи выступает концепция трех типов научной рациональности, разработанная академиком В. С. Стёпиным, которая предлагает не просто историческую периодизацию, но стройную методологическую шкалу для анализа эволюции научного познания. Данная модель позволяет выявить специфику постнеклассического этапа и найти философско-методологическое обоснование для практик, ранее маргинализированных в рамках классических критериев объективности (Lepskiy, 2026).

В центре настоящего исследования находится проблема методологической легитимации гуманитарного познания через призму постнеклассической рациональности. Анализируются три взаимосвязанных аспекта: трансформация статуса истины в условиях ценностно-исторической обусловленности гуманитарного знания; рефлексия исследователя как методологический инструмент работы с культурной укорененностью субъекта познания; механизмы трансляции ценностно-смысловых оснований в языке научного текста.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные работы В. С. Стёпина (2003; 2015), в которых обосновывается эволюция научной рациональности и раскрывается специфика постнеклассического этапа, характеризующегося изучением саморазвивающихся систем и включением ценностных ориентаций в структуру знания. Концептуальный аппарат постнеклассической эпистемологии развит в исследованиях отечественных ученых: В. И. Аршинова и В. Г. Буданова (2019), анализирующих связь концепции Стёпина с универсальным эволюционизмом; С. И. Платоновой (2012), выделяющей основные особенности и перспективы развития постнеклассической эпистемологии; И. В. Черниковой (2007), исследующей трансформацию концепта «знание» в новой научной парадигме. Важный вклад в осмысление синергетического измерения постнеклассической науки внесли работы К. И. Ромашкина и соавторов (Ромашкин, Мамедов, 2010).

Коллективная работа под редакцией В. А. Лекторского и соавторов раскрывает социокультурные основания постнеклассической науки (Lektorskii, Arshinov, Pruzhinin et al., 2016). Е. О. Труфанова и В. Г. Горохов (Trufanova, Gorokhov, 2015) проводят обзор развития эпистемологии и философии науки в современной российской мысли; В. Бех, А. Ярошенко, Т. Жижко, В. Игнатъев, Р. Додонов (Bekh, Yaroshenko, Zhyzhko et al., 2020) анализируют эволюцию научного знания через призму эпистемологического плюрализма. Вопросы ценностной обусловленности научного познания рассматриваются в работах М. Vogt и С. Weber (2020), обосновывающих невозможность и нежелательность «свободного от ценностей» исследования.

Особое внимание в исследовании уделяется анализу механизмов трансляции ценностей в научный текст. Здесь используются работы по лингвистике и дискурс-анализу: исследования Л. Дэн и соавторов о выражении позиции автора в заключениях научных статей (Deng, He, 2023; Deng, He, Gao, 2025); анализ маркеров отношения и оценочной лексики в научном дискурсе (Пантеева, 2020); работы по нарративным стратегиям в гуманитарном познании (Кутковая, 2014; Малинова, 2019). Проблемы исторического нарратива и культурной памяти освещаются на материале исследований О. Ю. Малиновой (2019), Р. Ю. Сабанчеева (2014), М. Хаютиной (Khayutina, 2021), L. Rosen (2024).

Задачи исследования:

- 1) провести сравнительно-исторический анализ онтологических и эпистемологических характеристик трех типов научной рациональности, зафиксировав трансформацию отношения «субъект – объект» и расширение структуры обоснования за счет включения ценностных ориентаций;
- 2) проанализировать трансформацию статуса истины в гуманитарных дисциплинах как переход от абсолютного соответствия к обоснованности в ценностно-историческом контексте;
- 3) обосновать рефлексивную позицию исследователя как необходимый методологический инструмент работы с культурной укорененностью субъекта в условиях изучения саморазвивающихся систем;
- 4) выявить и систематизировать лексико-грамматические, стилистические и нарративные механизмы трансляции ценностно-смысловых оснований в языке научного текста.

Методы исследования:

- метод историко-методологической реконструкции – систематический анализ эволюции типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) с целью выявления специфики постнеклассического этапа как теоретического основания для легитимации гуманитарного познания;
- метод эпистемологического анализа – исследование трансформации статуса истины и критериев обоснованности знания в гуманитарных дисциплинах через призму ценностно-контекстуального подхода;
- метод рефлексивного моделирования – рассмотрение рефлексии исследователя не как психологической категории, а как методологического инструмента, позволяющего осознанно работать с культурными предпосылками познания;
- дискурс-аналитический метод – выявление лексико-грамматических, стилистических и нарративных механизмов трансляции ценностных оснований в научный текст на материале гуманитарных исследований.

Практическая значимость работы состоит в разработке методологических рекомендаций для исследователей-гуманитариев по осознанному использованию рефлексивной позиции, обоснованию ценностных предпосылок исследования и экспликации механизмов трансляции смыслов в научном тексте, что способствует

повышению обоснованности и диалогической продуктивности гуманитарного знания в условиях постнеклассической научной парадигмы.

Обсуждение и результаты

Анализ ценностно-смысловых оснований гуманитарного познания требует глубокого понимания его места в общем контексте развития научной мысли. Ключевой для этого является концепция трех типов научной рациональности, разработанная академиком В. С. Стёпиным (2015). Эта типология не просто представляет собой историческую хронологию, но и предлагает стройную методологическую шкалу для оценки эволюции научного познания, позволяя выявить специфику современного этапа и найти теоретическое обоснование для практик, которые ранее находились за рамками доминирующих естественнонаучных парадигм (Lepskiy, 2026).

Классическая рациональность, сформировавшаяся в рамках новой европейской науки XVII века, характеризуется фундаментальным разделением субъекта и объекта познания (Платонова, 2012). В рамках эпистемологической модели классической рациональности субъект познания конституируется как внешний, нейтральный наблюдатель, чья деятельность не детерминирует состояние изучаемого объекта. Указанная онтологическая установка закреплена в методологических программах Г. Галилея, Р. Декарта и И. Ньютона, где процедура верификации требует методического исключения влияний исследователя для обеспечения соответствия знания независимой реальности. Объективность знания достигается через исключение самого субъекта из структуры описываемой реальности. Данный подход, укорененный в классической механике, предполагает существование независимой, внешней по отношению к познающему субъекту действительности, которая может быть точно описана и объяснена с помощью универсальных законов (Лебедев, Щукин, 2022).

Классический тип научной рациональности исходит из допущения, что действительность подчиняется неизменным законам, доступным познанию лишь при условии полного устранения влияний исследовательского субъекта (Стёпин, 2003). Сформированный на этом основании идеал строго независимого знания был абсолютизирован в качестве универсального образца научности и механически перенесен на дисциплины, изучающие духовную жизнь и культуру. Подобная методологическая экспансия неизбежно порождала внутреннее напряжение в гуманитарном знании, поскольку критериями достоверности признавались исключительно математическая строгость и предсказательная сила, неадекватные природе ценностно-насыщенных объектов (Невважай, Суровягин, 2013; Булдаков, 2013).

В первой половине XX века научная мысль приступила к пересмотру фундаментального допущения о полном разделении исследователя и изучаемой реальности. Неклассическая рациональность зафиксировала важный эпистемологический сдвиг, согласно которому средства наблюдения и измерения не просто отражают мир, но участвуют в его конституировании, вследствие чего деятельность познающего субъекта оказывается неразрывно связана с процессом получения знания (Trufanova, Gorokhov, 2015). Признание взаимодействия субъекта и объекта не преодолевает их внешнего соотношения. Воздействие исследователя сохраняет сугубо инструментальный характер и не затрагивает внутреннюю организацию изучаемой реальности. Данная эпистемологическая корректировка была инициирована эмпирическими результатами квантовой механики, зафиксировавшими несостоятельность классического идеала нейтрального наблюдения. Процесс измерения в микромире не пассивно регистрирует предсуществующие параметры, а активно преобразует состояние физической системы, что находит свое математическое выражение в принципиальной невозможности одновременно точного определения координаты и импульса частицы (Стёпин, 2003). Несмотря на указанное ограничение, внутренние закономерности квантовых объектов сохраняют относительную автономию и продолжают описываться строгими формальными моделями. Неклассическая рациональная парадигма, удерживая преемственность с классической традицией в части требований к формальной точности, впервые вводит инструментальное воздействие субъекта и измерительных процедур в структуру эпистемического обоснования (Лебедев, 2019).

Постнеклассическая рациональность, формирование которой началось в середине XX века и продолжает сегодня, представляет собой качественный скачок, который открывает новые горизонты для гуманитарного знания. Ее определяющими характеристиками являются несколько взаимосвязанных положений.

Во-первых, это принципиальное включение ценностных ориентаций, норм и смыслов субъекта познания в саму структуру научного знания (Аршинов, Буданов, 2019). Истина перестает быть абсолютным, трансцендентным свойством и становится зависящей от ценностного контекста эпохи и культурной среды исследователя (Bekh, Yaroshenko, Zhyzhko et al., 2020).

Во-вторых, постнеклассическая наука фокусируется на изучении сложных, самоорганизующихся, саморазвивающихся систем, где деятельность субъекта становится внутренним, а не внешним фактором изменения объекта. Взаимодействие субъекта и объекта порождает новые уровни организации и качества. Здесь возникает наибольшее сближение с предметом гуманитарного познания. Общество, культура, язык, история – все это классические примеры таких саморазвивающихся систем, где исследователь не просто констатирует факты, а вступает в диалог с изучаемым явлением, тем самым участвуя в его дальнейшей эволюции (Тов, 2018).

В-третьих, постнеклассическая парадигма делает обязательным элементом научного исследования рефлексии – осознанный анализ собственных предпосылок, методов и целей деятельности. В условиях сложных, нелинейных и открытых систем ответственное поведение исследователя немыслимо без его способности к самоконтролю и самопониманию (Котенко, 2006).

Для систематизации изложенных выше характеристик введем явную номинацию рассмотренных эпистемологических моделей: классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность. Сравнительный анализ указанных типов фиксирует эволюцию эпистемического статуса субъекта и структуры обоснования знания, результаты чего систематизированы и представлены в Таблице 1.

Таблица 1. *Типы рациональности*

Характеристика	Классическая рациональность	Неклассическая рациональность	Постнеклассическая рациональность
Отношение субъекта к объекту	Разделение; субъект внешний, нейтральный	Учет влияния средств измерения, но сохранение внешнего отношения	Взаимодействие; субъект и объект образуют единую систему
Объект познания	Простые, стабильные системы, внешняя реальность	Сложные, но автономные системы (например, квантовые)	Саморазвивающиеся, сложные системы (общество, культура)
Роль субъекта	Наблюдатель, исключаящий себя из знания	Активный участник, чье воздействие технично	Опора, интегрированный компонент, рефлексирующий участник
Статус истины	Объективное, абсолютное соответствие	Вероятностное, верифицируемое	Зависимое от контекста, результат диалога и интерпретации
Цель познания	Описание и объяснение	Моделирование, предсказание	Понимание, создание новых смыслов, развитие системы

Таким образом, гуманитарное познание, исторически оперировавшее категориями смысла, ценности и рефлексии, оказывается не просто совместимым, но и методологически близким к постнеклассической парадигме. Научные дисциплины, изучающие человека и его духовную жизнь, всегда сталкивались с проблемой субъекта. Гуманитарии изначально считали, что для понимания «духовной жизни» необходимо войти в ее смысловой мир, а не остаться внешним наблюдателем. Постнеклассическая рациональность предоставляет философско-методологическое обоснование этому подходу. Она выводит на первый план то, что гуманитарии всегда чувствовали интуитивно: познание культуры и общества – это не простое описание, а сложный, рефлексивный и ценностно-ориентированный процесс, в котором исследователь неотделим от изучаемого. Переход к постнеклассической рациональности позволяет преодолеть долгое столетие, в течение которого гуманитарные науки пытались соответствовать стандартам, чуждым их природе, и дает им возможность развивать свои уникальные методы на основе нового, более адекватного понимания науки как таковой. Важно, однако, сохранять различие между постнеклассической наукой как методологической концепцией и постмодернизмом как широким культурно-философским движением. Если постмодернизм часто декларирует отказ от любой формы всеобъемлющей истины, то постнеклассическая рациональность стремится к развитию науки, но в новых, более сложных и рефлексивных условиях, признавая ограниченность и контекстуальность знания без отказа от критериев обоснованности (Vogt, Weber, 2020).

Одной из центральных проблем, вызывающих споры вокруг методологической легитимности гуманитарного знания, является статус истины. В отличие от естественных наук, где, казалось бы, господствует представление об объективной, универсальной истине, в гуманитарных дисциплинах ее достижение и проверка оказываются гораздо более сложными и запутанными. Концепция постнеклассической рациональности предлагает новый взгляд на эту проблему, позволяя переосмыслить природу истины в гуманитарном контексте, не сводя ее к произвольному субъективному мнению. Суть проблемы заключается в том, что истинность высказывания в гуманитарных науках часто зависит от ценностного контекста эпохи, в которой проводится исследование (Яшин, 2021). То, что было принято, как достоверный факт или правильная интерпретация в прошлом, может быть оспорено и переосмыслено в другой культурной и ценностной среде. Например, официальная историческая картина в постсоветской России претерпела значительные изменения, что отражает переход от советской идеологии к новым ценностным ориентирам (Авдонин, 2021). Аналогично, история развития социологии в СССР была во многом определена доминирующей марксистской догмой, которая формировалась как исторический материализм (Гринин, 2020).

Примеры показывают, что научные нарративы в гуманитарных науках не существуют в вакууме, а неразрывно связаны с политическими, идеологическими и моральными установками своей эпохи. Постнеклассическая рациональность не отвергает идею истины, но кардинально меняет ее определение. Истина перестает быть трансцендентным свойством, которое просто «открывается» исследователю. Она становится результатом сложного процесса познания, в котором исследователь и культурный контекст находятся в диалоге (Weinstein, 2013).

Истинность высказывания теперь рассматривается как степень его обоснованности в рамках данного ценностного поля и как его способность выдержать критику и проверку другими представителями этого же поля. Такой подход позволяет сохранить научный статус гуманитарного знания, заменив вопрос «Что есть истина?» на вопрос «Какова процедура ее достижения и как она связана с культурным полем?». Это приводит к тому, что критерии проверки знаний также трансформируются. Если в классической науке доминировал критерий соответствия фактам, то в постнеклассической парадигме он дополняется и даже уступает место другим, таким как внутренняя логическая согласованность, объяснительная сила, преемственность с предыдущими знаниями и, конечно, способность к диалогу с альтернативными интерпретациями (Тынянова, 2018).

Историк, например, больше не может ограничиваться сбором документов; он должен четко аргументировать свой выбор источников, интерпретацию фактов и нарративную структуру своего повествования, демонстрируя, почему именно его версия истории является наиболее обоснованной в конкретном случае (Rosen, 2024).

В историографии можно проследить, как официальная историческая картина в постсоветской России эволюционировала, формируя новое «пригодное для использования прошлое», что отражает смену государственной идеологии и ценностей (Malinova, 2018). Исследования, посвященные национальным историям социологии, также показывают, как политический и культурный контекст определял методологию и содержание научных работ (Collyer, 2021; Кашина, Ляшко, Ткач, 2021).

Даже в таких «строгих» исторических исследованиях, как работа над событиями Второй мировой войны, выбор фокуса внимания – будь то роль Сталина, эффективность советской промышленности или судьба гражданского населения – неизбежно связан с ценностными приоритетами исследователя и его времени (Осьмачко, 2019).

В филологии, особенно в области литературного анализа, эта зависимость от ценностного контекста еще более очевидна. Интерпретация любого текста является актом его повторного создания, в котором принимают участие автор, текст и современный читатель / критик. Современная феминистская критика, применяясь к средневековым текстам, «видит» в них идеи, которые были невидимы для современников автора, потому что они основаны на совершенно других ценностных предпосылках (Mancia, 2025). Тот же самый роман, написанный сто лет назад, сегодня может быть прочитан как произведение колониального превосходства, тогда как в тот период он мог восприниматься как обычное приключенческое повествование. Истинность интерпретации – это не фиксированная величина, а результат сложного процесса чтения, который всегда происходит в настоящем, с использованием современного «аппарата» понятий и ценностей.

В социологии проблема истины проявляется в методологии. Например, при изучении социальных движений или революций, таких как революция в России, выбор между структурными (экономическими) и идеологическими объяснениями часто зависит от ценностных установок исследователя (Писачкин, 2012). Социолог, склонный к либеральному либертарианскому подходу, будет делать акцент на роли индивидуальных решений, в то время как сторонник марксистской школы – на структурных противоречиях. Постнеклассический подход не говорит, какой из подходов «истиннее», но требует от каждого исследователя четко обосновать свою методологическую позицию, ее ценностные предпосылки и границы применимости.

Постнеклассическая рациональность позволяет гуманитарным наукам отказаться от комплекса неполноценности, связанного с неспособностью соответствовать идеалам классической науки. Вместо этого она предлагает новый, более адекватный стандарт – стандарт обоснованности. Истинность в гуманитарном познании – это не абсолют, а процесс, который можно и нужно анализировать, критиковать и развивать. Данный процесс протекает внутри культурного поля, и его результаты должны быть доступны для обсуждения всеми его участниками. Это означает, что нельзя ставить все трактовки на одну ступень. Существуют жесткие правила аргументации, требования к использованию источников, логической последовательности и ясности изложения. Но эти правила сами по себе являются продуктом культурно-исторического развития науки. Поэтому гуманитарное знание, рассматриваемое через призму постнеклассической рациональности, приобретает право на существование не как «ненаука», а как особый, высокоразвитый вид научного познания, предназначенного для работы со сложными, ценностно-насыщенными явлениями человеческой жизни.

Если зависимость статуса истины от ценностного контекста затрагивает объект гуманитарного познания, то следующая проблема касается самого исследователя. Парадокс гуманитария заключается в том, что он одновременно является субъектом, осуществляющим познание, и продуктом той самой изучаемой культуры. Человек использует язык, категориальный аппарат и ценностные ориентиры, которые ему были даны данной культурой (Пахонина, 2013). Чтобы понять культуру, индивид должен, по сути, выйти за ее пределы, чтобы критически оценить ее изнутри. Однако это едва ли осуществимо, ведь его мировоззрение, речевой аппарат и способы познания мира настолько прочно вросли в данную культурную среду, что отделить их практически невозможно. Попытки «объективно» изучить культуру приводят лишь к тому, что исследователь неявно использует собственные культурные нормы как эталон для оценки чуждых ему явлений, что называется этноцентризмом. Этот тупик, казалось бы, не имеет выхода. Однако концепция постнеклассической рациональности, с ее акцентом на изучении саморазвивающихся систем, предлагает мощный методологический инструмент для его преодоления – рефлекссию.

Постнеклассическая парадигма рассматривает как объекты познания сложные системы, в которых субъект и объект неразрывно связаны, а деятельность одного является внутренним фактором изменения другого (Ромашкин, Мамедов, 2010). Культура, общество, язык – все это классические примеры таких систем. Когда исследователь начинает изучать одну из частей такой системы (например, определенный феномен культуры), он тем самым вносит в нее изменение. Его книга, его статья, его слова становятся частью этой культуры, влияя на ее дальнейшее развитие и на то, как другие будут ее изучать в будущем.

Рефлексия – это не просто размышление исследователя о своих чувствах, а необходимое условие для ответственного научного действия в таких сложных ситуациях (Стёпин, 2003). Исследователю необходимо постоянно анализировать свои предпосылки, предубеждения, культурную принадлежность и язык, на котором он говорит. Он должен осознавать, какие части культуры он изучает, а какие «невидимо» исключает из своего поля зрения и почему. Процесс саморефлексии позволяет превратить субъекта из пассивного наблюдателя, неизбежно подверженного искажениям, в активное «диалоговое ядро», способное создавать новые смыслы и знания в контакте с культурой (Krämer, 2015).

В культурологии и социологии идея рефлексивности является одной из центральных. Исследования культурной памяти, начатые еще Морисом Халбваксом, построены на предположении о том, что память является не просто записью прошлого, а активным процессом, происходящим в настоящем и формируемым интересами живых людей (Сабанчеев, 2014).

Культурно-исторический подход, разработанный Львом Выготским и Александром Лурией, также базируется на идее, что познание невозможно без учета исторического и культурного контекста (Engeström, 2008). В этих дисциплинах рефлексия позволяет исследователю не просто констатировать наличие определенных мифов или символов в культуре, но и понять, почему именно они актуальны для современного общества и как их изучение влияет на настоящее. Например, анализ того, как память о завоевании Шанг и восхождении династии Чжоу передавалась в раннем Чжоу, требует от исследователя осознания собственных ценностных рамок и культурного кода, с которым он читает эти древние тексты (Khayutina, 2021).

В методологии психологии и педагогики вопросы рефлексии приобретают особое значение. Если в классической парадигме психолог или педагог стремился к максимальной нейтральности, то в постнеклассическом ключе его личные ценности, метафизические взгляды и опыт не могут быть просто исключены из процесса. Исследования, посвященные критическому мышлению, показывают, что учителя-исследователи должны осознанно внедрять ценности в обучение, разрабатывая принципы для их преподавания (Суханова, 2022; Бекова, 2019).

В философии науки концепция постнеклассической рациональности В. С. Стёпина представляет собой продукт глубокой рефлексии над самой природой науки. Автор осознает, что его собственная методология, включающая ценностные ориентации, является частью современной научной культуры и отвечает на ее новые вызовы (Lektorskii, Arshinov, Pruzhinin et al., 2016). Этот уровень анализа, когда сама методология становится объектом исследования, и есть высшая форма рефлексии.

Рефлексивная позиция исследователя в постнеклассической парадигме – это не недостаток, который нужно скрыть, а мощный методологический инструмент. Она превращает потенциальный источник искажения (культурная принадлежность исследователя) в источник знания. Осознавая свое место в мире, исследователь получает возможность более глубоко понять культуру, которую он изучает, и сделать видимыми те аспекты, которые были «невидимы» благодаря его культурному коду.

Гуманитарные науки отказываются от методологической установки на беспристрастное внешнее наблюдение, поскольку их предмет требует обязательного учета позиции самого исследователя. Обоснованность знания в данной сфере напрямую зависит от способности ученого явно фиксировать собственные культурные и ценностные ориентиры. Научный результат в этой парадигме формируется не как изолированное суждение автора, а как положение, прошедшее проверку в профессиональном сообществе через открытую критику. Достоверность полученного вывода подтверждается его последовательным сопоставлением с альтернативными трактовками, учитывающими конкретные исторические и ценностные условия эпохи.

Внутренняя рефлексия исследователя формирует условие для осознанного принятия ценностных ориентаций, тогда как их внешнее закрепление в научном дискурсе реализуется через языковые средства. Постнеклассическая эпистемология последовательно отвергает модель научного текста как нейтрального носителя информации, утверждая его активную роль в конструировании смыслов. Ценностные предпосылки автора проявляются преимущественно в синтаксической организации высказываний, стилистических предпочтениях и риторических стратегиях, оставаясь зачастую неотрефлексированными. Методологическая задача заключается в прямой экспликации данных смысловых структур и их включении в пространство критической верификации. Указанный аналитический процесс опирается на систематизированный аппарат механизмов, которые классифицируются как лексико-грамматические, стилистические и нарративные (Черникова, 2007; Кваскова, 2016).

Наиболее наглядными механизмами трансляции ценностно-смысловых оснований являются лексико-грамматические средства, предназначенные для выражения отношения говорящего к сообщаемому. К ним относятся так называемые маркеры отношения, среди которых особое место занимают модальные глаголы. Они позволяют автору выразить степень уверенности, вероятности, необходимости или возможности того или иного утверждения, тем самым регулируя силу своего заявления. Например, утверждение «Это должно быть так» звучит иначе, чем «Это может быть так». Первое выражает большую уверенность и, возможно, нравственную или логическую необходимость, второе – допущение возможного варианта (Deng, He, 2023). Корпусные исследования Л. Дэн и коллег (Deng, He, Gao, 2025), дополненные сопоставительным анализом научных статей, фиксируют устойчивое использование модальных конструкций в рецензируемых публикациях различных дисциплин. Выбор этих языковых средств регулируется не столько правилами академического жанра, сколько нормами аргументации, закрепленными в конкретных научных сообществах. Указанная закономерность подтверждает зависимость научного стиля от культурно-исторического контекста и его способность транслировать ценностные установки исследователя (Deng, He, 2023; Deng, He, Gao, 2025).

Кроме модальных глаголов, маркерами отношения являются различные наречия (возможно, кажется, вероятно), прилагательные (возможный, сложный) и даже некоторые существительные. Кросс-лингвистическое исследование заключительных разделов рецензируемых научных статей на английском и китайском языках (Deng, He, 2023; Deng, He, Gao, 2025; Ли, 2025) фиксирует систематические различия в использовании данных средств, обусловленные не языковой принадлежностью, а закрепившимися в академических сообществах нормами аргументации. Указанная закономерность подтверждает, что стилистические параметры научного дискурса транслируют ценностно-эпистемические установки, специфичные для конкретной культурно-исторической традиции.

Следующий стилистический механизм прямой аксиологической маркировки опирается на прямую оценочную лексику. Корпусный анализ академических текстов показывает, что оценочные суждения систематически присутствуют в научных работах, несмотря на историческую установку на аксиологическую нейтральность (Пантеева, 2020). Авторская позиция выражается через слова, однозначно фиксирующие степень признания или критики изучаемых объектов. Выбор терминов также выполняет оценочную функцию, поскольку альтернативные

наименования одного явления закрепляют определенную интерпретацию и транслируют отношение исследователя. При разработке критериев эффективности прикладных практик ученые опираются на принятые в дисциплине ценности, ведь выбор оцениваемых параметров задает нормативные ориентиры для развития исследования (Teasdale, Pitts, Gates et al., 2023).

Третьим элементом выступает нарративный (композиционно-дискурсивный) механизм трансляции ценностных оснований. Научный текст гуманитарного профиля по своей природе принимает форму последовательного изложения, в котором эмпирические данные организуются в причинно-следственную цепь, ведущую от исходной проблемы к итоговым положениям. Данная композиционная логика не обладает аксиологической нейтральностью, поскольку выбор причинных зависимостей и порядок аргументации непосредственно закрепляют эпистемологические приоритеты исследователя. Следовательно, предпочтение конкретной исторической реконструкции или теоретической модели представляет собой методологически значимый ценностный выбор, определяющий границы конструируемого знания (Кутковая, 2014).

Данная зависимость макроструктуры от аксиологических предпосылок эмпирически фиксируется в современных дискурсивных практиках. Анализ официального исторического дискурса в постсоветской России и исследований транснационализации социокультурной сферы, обусловленной миграционными процессами, демонстрирует использование языковых средств для формирования мировоззренческих моделей и закрепления политических и аксиологических ориентиров (Malinova, 2018; Малинова, 2019).

Из этого следует, что ценностная обусловленность не ограничивается уровнем сюжетной организации текста, но пронизывает его формально-структурный аппарат. Стилистические и синтаксические параметры научного текста выполняют не вспомогательную, а конституирующую функцию в процессе смыслопорождения. Синтаксическая организация, ритмико-интонационное членение высказываний и употребление стилистических фигур несут в себе код аксиологической установки исследователя, трансформируя дескриптивную регистрацию эмпирического материала в семантически нагруженное коммуникативное событие. Указанный стилистико-синтаксический механизм находит эмпирическое подтверждение в современной филологической герменевтике, где интерпретация исторического источника невозможна без экспликации культурно-исторических предпосылок, конституирующих позицию интерпретатора (Тимирханов, 2017). Следовательно, текст в гуманитарных науках функционирует не как пассивный архив фактов, а как активная конструкция знания, где строгость метода сочетается с неизбежной ценностной обусловленностью. Осознанный выбор лексики, синтаксиса и формы повествования в рамках академических норм выводит на уровень рефлексии те смысловые предпосылки, которые классическая наука ошибочно считала субъективным искажением. Признание ценностного компонента закономерным переносит научное высказывание в поле открытой дискуссии, что позволяет анализировать сложные социокультурные явления без их упрощения до набора сухих фактов.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что концепция трех типов научной рациональности В. С. Стёпина обеспечивает теоретически непротиворечивое основание для методологической легитимации гуманитарного познания. Гуманитарные дисциплины не отклоняются от научного метода, а реализуют его наиболее рефлексивную форму, адаптированную к онтологии сложных систем. Преодоление исторического разрыва между естественно-научными стандартами и спецификой наук о культуре достигается не через механическое заимствование классических процедур, а посредством признания эволюционной преемственности эпистемических парадигм.

Последовательная реализация исследовательских задач фиксирует достижение каждого этапа аргументации. Реконструкция эволюции классической, неклассической и постнеклассической рациональности (первая задача) выявила, что критерии научности трансформируются соразмерно онтологическому статусу изучаемых объектов; переход к анализу саморазвивающихся систем закономерно требует включения ценностных ориентаций исследователя в структуру знания, что снимает противоречие между субъективной позицией и строгостью метода. Следствием данного сдвига выступает переосмысление статуса истины: отказ от идеала абсолютного соответствия действительности в пользу контекстуальной обоснованности не влечет эпистемологического релятивизма, но ужесточает требования к аргументации. Истинность высказывания верифицируется через процедуру диалогической критики и внутреннюю логическую согласованность, что адекватно описывает современные практики историко-филологического и социологического исследования.

Указанная верификационная процедура требует методологического инструмента, функцию которого выполняет рефлексивная позиция исследователя. Осознание культурной укорененности субъекта познания преобразует потенциальный источник интерференции в контролируемый ресурс, позволяющий выстраивать ответственное взаимодействие с изучаемой системой, где исследователь выступает не внешним регистратором, а активным участником смыслопорождения. Фиксация данной позиции осуществляется на дискурсивном уровне: систематизация механизмов трансляции ценностных оснований выявила эпистемическую функцию языковых структур, где лексико-грамматические маркеры, стилистические параметры и нарративные стратегии эксплицитно фиксируют методологические приоритеты автора, переводя аксиологическую предпосылку в плоскость открытой верификации.

Синтез полученных результатов позволяет переопределить объективность как способность к рефлексивному самоконтролю, диалогической аргументации и процедурной прозрачности, а не как нейтральность внешнего наблюдения. Методологические принципы постнеклассической рациональности не только легитимируют

специфические процедуры гуманитарного познания, но и задают вектор для разработки интегративных программ, операционализирующих принципы рефлексивного контроля и диалогической верификации в современных исследовательских практиках.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке интегративной методологии, позволяющей операционализировать принципы постнеклассической рациональности в конкретных эмпирических исследованиях гуманитарного цикла, прежде всего через детализацию процедур рефлексивного самоконтроля и диалогической верификации интерпретаций.

Целесообразным представляется также компаративистский анализ механизмов трансляции ценностных оснований в научных текстах различных культурно-языковых традиций, что способно обогатить понимание универсального и специфического в структуре гуманитарной аргументации.

Наконец, продуктивным направлением выступает адаптация аппарата постнеклассической эпистемологии к анализу цифровых гуманитарных практик, где проблема включения субъекта в изучаемую систему приобретает новую технологическую и онтологическую остроту.

Источники | References

1. Авдонин В. С. Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5.
2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Концепция постнеклассической науки В. С. Стёпина и универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева // Философские науки. 2019. Т. 62. № 4.
3. Бекова М. Р. Рефлексивная позиция педагога-психолога как философская и психолого-педагогическая проблема // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74).
4. Булдаков С. К. Научные, философские и методологические основания классической науки // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 2.
5. Гринин Л. Е. Исторический материализм на Западе: история и будущее. Часть 1. Исторический материализм до 1920-х гг.: анализ достоинств и недостатков концепции // Философия и общество. 2020. № 2 (95).
6. Кашина М. А., Ляшко С. В., Ткач С. Актуальная повестка исследования ценностей в зарубежной социологии: тематика, теории, методологии // Управленческое консультирование. 2021. № 10 (154).
7. Кваскова Л. В. Основы функциональной грамматики: коммуникативно-прагматический аспект: монография. М.: МПГУ, 2016.
8. Котенко В. П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3.
9. Кутковая К. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16).
10. Лебедев С. А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2.
11. Лебедев С. А., Щукин Г. О. Методология классической, неклассической и постнеклассической науки // Журнал философских исследований. 2022. Т. 8. № 2.
12. Ли С. Сравнительный анализ русских и китайских заимствований // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112).
13. Малинова О. Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2019. № 3 (94).
14. Невважай И. Д., Суровягин Д. П. К вопросу о структуре гуманитарной научной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 4.
15. Осьмачко С. Г. Советский коллаборационизм (1941-1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18).
16. Пантеева К. В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1.
17. Пахонина Е. В. Специфика гуманитарного типа научного познания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4.
18. Писачкин В. А. Социологическая методология: парадигматика, аналитика, проблемология // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 4 (20).
19. Платонова С. И. Постнеклассическая эпистемология: основные особенности и перспективы развития // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 1.
20. Ромашкин К. И., Мамедов А. А. Синергетическое мышление в постнеклассической науке // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 5.
21. Сабанчиев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28).
22. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
23. Стёпин В. С. Философия и методология науки: учебное пособие. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2015.
24. Суханова Н. П. Заботливое и критическое мышление: социально-этическое измерение образовательного проекта // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 3.
25. Тимирханов В. Р. Сопоставительная характеристика отечественных концепций филологии как познавательной сферы // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 3.

26. Тов Н. А. Значение языка в обществе, культуре и истории // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. 2018. № 15 (39).
27. Тынянова О. Н. К ценностно-ориентированному осмыслению культуры и культурфилософских дискурсов опыт критического историко-парадигмального исследования // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2018. Т. 16. № 1-2.
28. Черникова И. В. Трансформация концепта «знание» в постнеклассической науке // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296.
29. Яшин Б. Л. Проблема истины в социогуманитарном, естественно-научном и логико-математическом знании // Ценности и смыслы. 2021. № 1 (71).
30. Bekh V., Yaroshenko A., Zhyzhko T., Ignatyev V., Dodonov R. Postmodern Picture of Reality of Scientific Knowledge: Evolution by Epistemological Diversity // Postmodern Openings. 2020. Vol. 11 (3). <https://doi.org/10.18662/po/11.3/208>
31. Collyer F. Historiography and National Histories of Sociology: Methods and Methodologies // The Palgrave Handbook of the History of Human Sciences / ed. by D. McCallum. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. https://doi.org/10.1007/978-981-15-4106-3_64-1
32. Deng L., He P. "We may conclude that:" a corpus-based study of stance-taking in conclusion sections of RAs across cultures and disciplines // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1175144>
33. Deng L., He P., Gao X. Move-stance connection in Chinese and English research article conclusion sections: A cross-linguistic study // Journal of English for Academic Purposes. 2025. Vol. 76.
34. Engeström Y. Weaving the texture of school change // Journal of Educational Change. 2008. Vol. 9. № 4. <https://doi.org/10.1007/s10833-008-9086-6>
35. Khayutina M. The Beginning of Cultural Memory Production in China and the Memory Policy of the Zhou Royal House During the Western Zhou Period // Early China. 2021. Vol. 44.
36. Krämer S. Medium, Messenger, Transmission: An Approach to Media Philosophy. 1st ed. L. – N. Y.: Routledge, 2015. <https://doi.org/10.5117/9789462983083>
37. Lektorskii V. A., Arshinov V. I., Pruzhinin B. I., Kuznetsov V. Y. Postnonclassical science and the sociocultural context // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 86. No. 4.
38. Lepskiy V. Philosophical and Methodological Foundations Influencing the Organization of Cybernetic and Systemic Education: Lessons from Two Recent Examples in Russian Higher Education // Systems Research and Behavioral Science. 2026. <https://doi.org/10.1002/sres.70042>
39. Malinova O. Constructing the "Usable Past": the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia / ed. by N. Bernsand and B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2018. https://doi.org/10.1163/9789004366671_006
40. Mancia L. Embodied Epistemology as Rigorous Historical Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. <https://doi.org/10.1017/9781009590334>
41. Rosen L. Validating historical interpretations: an approach from cultural anthropology // History and Theory. 2024. Vol. 63. № 3. <https://doi.org/10.1111/hith.12354>
42. Teasdale R. M., Pitts R. T., Gates E. F., Shim C. Teaching specification of evaluative criteria: A guide for evaluation education // New Directions for Evaluation. 2023. Vol. 2023. № 177. <https://doi.org/10.1002/ev.20546>
43. Trufanova E. O., Gorokhov V. G. Epistemology and the philosophy of science and technology in contemporary Russian philosophy: A survey of the literature from the late 1980s to the present // Studies in East European Thought. 2015. Vol. 66. № 3-4.
44. Vogt M., Weber C. The Role of Universities in a Sustainable Society. Why Value-Free Research is Neither Possible nor Desirable // Sustainability. 2020. Vol. 12. № 7. <https://doi.org/10.3390/su12072811>
45. Weinstein M. Logic, Truth and Inquiry. L.: College Publications, 2013.

Информация об авторах | Author information

Москвитин Валерий Александрович¹

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

Valerii Alexandrovich Moskvitin¹

¹ Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

¹ moskvitin_va@voenmeh.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.04.2026; опубликовано online (published online): 22.05.2026.

Ключевые слова (keywords): постнеклассическая рациональность; гуманитарное познание; В. С. Стёпин; статус истины; рефлексия исследователя; post-nonclassical rationality; humanistic cognition; V. S. Stepin; status of truth; researcher reflection.